

СОЦИАЛЬНАЯ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ИНДИВИДА КАК ПРЕДПОСЫЛКА АНОМИИ

О.А. Долгицкий

Сургутский государственный университет,
Сургут, Россия

counteralex@rambler.ru

В статье предлагается новый подход к проблеме аномии, проявляющейся в форме девиантного поведения. По нашему мнению, предпосылкой аномии выступает социальная несостоятельность. Основным критерием социальной состоятельности индивида является официальное признание отсутствия ценности и необходимости его деятельности и функций, которые он осуществляет в рамках социальных институтов. Основным же критерием социальной несостоятельности индивида выступает непризнание осуществляемых им деятельности и функций, проистекающее из диспропорции между потребляемыми и производимыми им продуктами деятельности (труда) не в пользу производимых. При этом не имеет значения, производит ли индивид больше или меньше требуемых от него благ. Наличие факта несоответствия количества произведенных продуктов труда порождает аномию. В случае возникновения данной диспропорции индивид постепенно отчуждается обществом сначала от процесса труда, а в конце концов и от людей как субъектов общественной жизнедеятельности в связи с тем, что количество произведенных им благ не соответствует общественно принятым нормам. В результате отчуждения индивид начинает проявлять неадекватные формы приспособительных реакций в виде девиантного поведения с целью социальной адаптации, гарантирующей безопасность. В качестве предметов аномии мы выделяем индивида как источник девиантного поведения и социальные институты, в рамках которых индивид не способен социализироваться. В дальнейшей работе планируется выделить социально-исторические этапы развития социальных институтов, а также определить, насколько индивиды в нынешних условиях способны быть к ним причастными.

Ключевые слова: аномия; банкротство, социальная несостоятельность, ценность, отчуждение, продукты труда, блага.

DOI: 10.17212/2075-0862-2017-2.2-69-79

Проблема аномии с позиции современных методологических подходов связана в первую очередь с выделением определенных предметных областей ее исследования. На сегодняшний день принято выделять два направления разработки вопроса о смысле понятия аномии. Первое – *anomia* – уходит корнями в античную философию и характеризует состояние индивидуальной депривации индивида. Например, Л. Сроул распространил понятие аномии на сферу человеческой жизни как отобра-

жение психологического состояния индивидуальной депривации [12, с. 90]. Второе – *anomie* – раскрывает состояние общества, охваченного беспорядком, связанным с пренебрежением его членов к закону, юридическим нормам.

В начале XX века Э. Дюркгейм использовал понятие аномии для описания состояния общественного беспорядка (безнормности) в применении к большим и малым общностям. В классической работе «Самоубийство» [3, с. 77] он делает вывод

о том, что современное возрастание количества самоубийств есть патологическое явление, представляющее собой плату за цивилизацию и прогресс. Он также отмечал, что «рост числа самоубийств в период экономического кризиса можно объяснить ростом безработицы и снижением заработной платы, но почему число самоубийств растет в период экономического расцвета, когда доходы у всех растут? Оказывается, что в период расцвета происходят самоубийства из зависти, когда потенциальному самоубийце кажется, что другие люди богатеют быстрее, чем он. <...> Во время войны число самоубийств сокращается, так как общество сплачивается на отпор врагу. В развивающихся странах бедность предохраняет от самоубийств, так как бедность имеет следствием наличие больших семей» [3, с. 9].

Глобализация привела к ускорению изменения социально-экономических отношений, в связи с чем вокруг многих людей не сложились условия, в которых они могли бы овладеть средствами, позволяющими постигать суть, содержание, способ функционирования окружающих вещей, созданных цивилизацией. В результате люди, овладевшие актуальными для существующей формации средствами, перестают взаимодействовать через продукты деятельности (труда) с людьми, не имеющими средств для приобретения данных продуктов. К летальному исходу, с нашей точки зрения, людей толкает их невостребованность окружающими людьми, т. е. состояние отчужденности, вызванное неумением эффективно пользоваться миром вещей как средством жизнедеятельности актуальной социальной формации. Стоит отметить, что к числу данных средств относятся капитал, имущество, образование и отдель-

ные навыки, делающие человека нужным окружающим людям.

Особое внимание стоит уделить понятию отчуждения. Корни данного понятия настолько глубоки, что их начатки можно обнаружить в древнейших мифологических представлениях: например, в мифах о Сизифе, изгнании из Рая Адама и Евы и др. Дискурс подобных представлений, их перевод в понятийную форму совершается в работах Ж.Ж. Руссо, Дж. Локка и Т. Гоббса. Отчуждение толкуется этими мыслителями эпохи Просвещения как процесс отчуждения прав индивидов в пользу государства. То, что государство рассматривается ими как чуждое индивидуальному человеку, как отчуждающее его права, особенно ясно видно уже из названия сочинения Т. Гоббса, в котором как синоним слова «государство» используется слово «Левифан» со стоящим за ним образом чудовищного змея, тотально и фатально властвующего над подданными индивидами. В этой работе Т. Гоббс отметил, что «стоимость, или ценность, человека, подобно всем другим вещам, есть его цена, т. е. она составляет столько, сколько можно дать за пользование его силой, и поэтому является вещью не абсолютной, а зависящей от нужды в нем и оценки другого. Способный предводитель солдат имеет большую цену во время войны или в такое время, когда война считается неизбежной, чем в мирное время. Образованный и честный судья имеет большую ценность в мирное время и меньшую – во время войны. И как в отношении других вещей, так и в отношении людей определяет цену не продавец, а покупатель. Пусть люди (как это большинство и делает) ценят самих себя как угодно высоко, их истинная цена не выше той, в которую их оценивают другие» [1, с. 66]. Нель-

зя не согласиться с Т. Гоббсом в том, что ценность индивида определяется его нужностью обществу независимо от того, что думает об этом он сам. Но следует дополнить эту мысль: не имеет также значения и то, что окружающие люди думают об определенном человеке; если в таковом имеется нужда – он обязательно будет востребован.

После эпохи Просвещения осмысление феномена отчуждения продолжают классики немецкой философии. «В самом общем смысле, в немецкой классической философии от Фихте до Гегеля отчужденность – это состояние некоей абстрактной разумной сущности, находясь в котором она не узнаёт своих собственных проявлений. А поскольку бытие разумного есть познание, то отчуждение, равно как и его преодоление, – это необходимые моменты бытия как движения от незнания к знанию, от отчуждения к его преодолению. Одной из наиболее ярких попыток отстоять достоинство отдельного человека перед абстрактным “духом системы” явилась критика идеализма, предпринятая Л. Фейербахом. Последний, помимо прочего, открыл новый путь для понимания отчуждения тем, что придал этой категории антропологический смысл, развернул проблему отчуждения лицом к человеку, поставив на место Абсолютного Духа как субъекта и объекта отчуждения человека чувствующего и страдающего. Преодоление отчуждения отныне провозглашается целью дальнейшего развития человечества, достижение которого будет означать возвращение человеку его собственных личностных качеств. Преодолев отчуждение, человек может не только открыть для себя свою истинную сущность, но и вывести на качественно новый уровень межчеловеческие отношения, которые должны строиться на основе прин-

ципа “*homo homini deus est*” (человек человеку бог)» [5, с. 54].

Однако в реалиях капитализма этот принцип остался не у дел. К. Маркс в работе «Экономические философские рукописи» отмечает, что именно при капитализме отчуждение начинает проявлять себя в полную силу. К. Маркс выделяет четыре типа отчуждения: от процесса труда, от продукта труда, от своей собственной сущности и людей друг от друга. Раскрывая их содержание, он указывает на то, что человек в результате отчуждения становится «винтиком» механизма, которому не принадлежит его собственный труд. Капиталист, владеющий средствами производства, присваивающий продукты труда, тем самым создает условия для отчуждения индивида [7, с. 563–565]. Мы разделяем точку зрения К. Маркса в отношении отчуждения, которое, как он показывает, означает потерю смысла существования при осуществлении труда. В работе «К критике политической экономии» К. Маркс указывает, что «в общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания» [6, с. 7]. В свою очередь, как мы полагаем, каждый вид отчуждения, выделенный К. Марксом, возникает именно в результате того, что люди вступают в «от их воли не зависящие производственные отноше-

ния», которые не соответствуют наличной ступени развития их материальных производительных сил, а именно отстают от этой более высокой ступени. Что и приводит к возникновению диспропорции между фактически затраченным на производство продукта рабочим временем, соответствующим стандартам более низкой ступени производительных сил, и временем, общественно необходимым на данной, более высокой ступени их развития: первое оказывается больше, чем второе.

В результате чем выше величина диспропорции, тем выше степень отчуждения человека. Причем очень важно отметить, что не человек отчуждается от общества, а люди, объединившиеся в общество, отчуждают от себя человека.

Мы можем предположить, что в основе данного процесса кроется требующий корректировки принцип «невидимой руки» Адама Смита, «утверждающего, что каждый индивидуум, преследуя лишь свои эгоистические цели, как бы направляется невидимой рукой провидения в интересах достижения наибольшего блага для всех» [2, с. 13]. «Невидимая рука», коль скоро она является рукой капиталистического производства, направляет течение дел не столько ко всеобщему благу, сколько – во всё большей мере – к несчастью многих. Мы предполагаем, что в соответствии с данным принципом происходит отчуждение от общества индивидов, которые не способны в силу отсталости их производственных навыков, консервируемых капиталистической системой производственных отношений, производить объем продуктов деятельности (прежде всего это касается трудовой деятельности), достаточный для потребления, необходимого для воспроизводства их жизненных сил.

Аномия возникает тогда, когда общество культивирует формы труда, функционирование которых не позволяет многим индивидам обрести блага, способные удовлетворить их потребности и нужды. Этот тезис важно конкретизировать в том смысле, что производимые в обществе блага должны удовлетворять не только потребности и нужды индивида, но и содержать «излишки», предназначенные удовлетворять также нужды общества в целом. Исходя из всего этого мы можем предположить, что в том случае, когда цена получаемого продукта труда (полезный эффект целесообразных затрат человеческой энергии) меньше, чем цена благ, затрачиваемых или уничтожаемых при совершении действий, необходимых для производства полезного продукта, «запускается» поэтапный процесс отчуждения индивида от общества. Сначала человека отчуждают от процесса труда, ограничивая ему доступ к высокооплачиваемой престижной работе. Затем отчуждают от продуктов труда, повышая их стоимость или ограничивая их продажу, тем самым не давая индивиду их потреблять. Потом его отчуждают от собственной сущности, заставляя его заниматься трудом, противоречащим его природе. И, наконец, индивид отчуждают от окружающих людей, изолируя его от общества. Процесс массового отчуждения людей от общества выражается в аномии в том смысле этого слова, который имеется в виду в работах Э. Дюркгейма.

Позиция Э. Фромма также подтверждает данную точку зрения. В своей работе «Здоровое общество» он говорит: «Существует еще одна причина, на которую не обратили внимания ни Э. Дюркгейм, ни другие исследователи проблемы самоубийств. Она связана с “балансовым” подходом к жизни как к коммерческому предпри-

ятию, которое может закончиться крахом. Причиной многих случаев самоубийств было осознание того, что “жизнь не удалась”, что “она не стоит того, чтобы жить”. Человек убивает себя, подобно тому как бизнесмен объявляет себя банкротом, когда его убытки превышают доходы, и уже нет надежды “встать на ноги” [11, с. 42]. Важно при этом учитывать, что «Здоровое общество» писалось на английском языке, где слово *bankrupt* одновременно означает как «банкротство», так и «несостоятельность».

И.Г. Степанов, говоря о банкротстве, отмечает: «Корни данного понятия уходят в средние века, когда и возник термин “банкротство”: тогда товарное производство отсутствовало, а субъектами рынка выступали физические лица (торговцы, ростовщики, ремесленники и др.). Субъектами же современного рынка являются, как правило, организации, предприятия, которые в условиях конкурентной борьбы могут стать несостоятельными и подвергнуться ликвидации, то есть стать банкротами. Из сказанного можно сделать вывод о некорректности дефиниции банкротства применительно к современным условиям и необходимости ее переосмысления. Хотя к физическим лицам (гражданам), частным предпринимателям она вполне применима» [9, с. 68]. В то же время, проводя анализ понятий банкротства и несостоятельности, И.Г. Степанов высказывает мнение, что «хотя эти понятия близки, но несостоятельность не есть факт банкротства, а лишь предпосылка к нему, и не всегда она может закончиться судебным признанием банкротства» [Там же].

Синтезируя представленные выше суждения, можно сделать вывод о том, что понятие состоятельности индивида вытекает из понятия его ценности, т. е. нужности человека для окружающих. При этом нуж-

ность человека обуславливается тем, что он производит больше продуктов труда, чем потребляет. Любые продукты труда при этом, поскольку необходимым условием их производства являются производственные отношения людей, обнаруживают своим бытием необходимость индивидов друг другу. Социальная состоятельность или несостоятельность индивида как его качество устанавливается необходимым образом лишь на длительном временном промежутке. При этом количественная характеристика состоятельности в рамках одной формации может быть разнообразна настолько, насколько вообще могут быть разнообразны различные формы отношения людей друг с другом. Это обусловлено тем, что одни и те же производительные силы могут быть актуальны для нескольких социальных формаций одновременно [4, с. 207].

При этом от формации к формации ценность продуктов труда меняется в зависимости от соотношения количества затрачиваемого на их получение труда и того, насколько они удовлетворяют нужды индивидов. Если их ценность актуальна на длительном промежутке времени, сочетания качественных характеристик отделяются от продукта труда, становясь критериями социальной состоятельности производящих их индивидов в актуальной формации. То есть ситуация такова, что человек ориентируется на поиск не продукта труда вообще, а на поиск продукта с сочетанием признаков, которое может быть присуще различным объектам окружающей среды, что в итоге может приводить и приводит к расширению сферы влияния общества на индивида и зависимости индивида от общества. То есть, используя в своей жизнедеятельности постоянно ломающийся двигатель, требующий при этом топливо, инди-

вид начинает формировать представление о таком продукте труда, как вечный двигатель. Таким образом, вечный двигатель может не существовать, и более того, его существование может оставаться под вопросом. Несмотря на это, постоянно предпринимаются попытки по созданию данного двигателя. И чем больше производится данных попыток, чем больше людей вовлечено в данный процесс, тем выше будет состоятельность индивида, который сможет создать даже условно «вечный двигатель».

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что помимо характеристики состоятельности/несостоятельности индивидов, выявляющейся в плане их ориентации на определенные объекты окружающей среды, существует и характеристика идеального – одновременно и необходимого, и желательного – сочетания признаков, абстрагированных от объектов; характеристика, которая формируется в процессе соотнесения признаков объектов друг с другом как в процессе совместной деятельности индивидов, так и в сознании каждого из совместно действующих индивидов.

Существо идеальных сочетаний признаков объектов, обладание которыми является условием социальной состоятельности индивида, наиболее адекватно отображается понятием блага. Представление о благах в указанном смысле, на наш взгляд, открывает дополнительные возможности для видения перспектив развития общества. Вероятно, сам процесс формирования благ как идеальных сочетаний признаков объекта породил универсальную категорию ценности, физической формой существования которой стали деньги, выступающие эквивалентом ценности не только в экономическом плане, т. е. не только эквивалентом стоимости, но и в универсаль-

ном плане. Тем не менее поскольку основополагающую роль в процессе созидания и обладания благами играет трудовая деятельность, постольку такую же роль в спектре ценностей благ играет стоимость (экономическая ценность). Если для получения того или иного продукта труда, обладающего необходимыми и желательными для индивида признаками, затрачивается минимальное количество труда, то тем самым данный объект становится благом и ценностью не только в экономическом, но и в универсальном, культурном плане.

Эта мысль подтверждает выводы Роберта Мертона, который считал, что anomia является продуктом дисбаланса между двумя основными компонентами общества: культурной и социальной структурами [8, с. 91]. Исследуя anomia как общественный феномен, Р. Мертон в конечном счете описывает ее как характеристику индивида, имея в виду, таким образом, первоначальное, древнегреческое значение этого термина и предполагаемого им содержания самого явления. Р. Мертон, следовательно, синтезирует оба указанных смысла понятия и явления anomia. Поскольку же в поведении индивида Р. Мертон отмечает наиболее яркие проявления несоответствия между присвоенными индивидом объектами и его представлениями об их ценности в современных ему обществе и культуре, Р. Мертон фактически описывает неадекватные способы адаптации индивидов к социальной среде. Он также выделяет понятия целей и средств, на основе которых выводит такие типы поведения, как инновация, ритуализм, ретритизм и бунт. Отдельно в этот ряд следует поставить еще один тип поведения – конформизм, так как он подразумевает, что у индивида, проявляющего данное поведение, есть и цели, и

средства. Фактически Р. Мертон присваивал понятиям цели и средства деятельности, направленной на производство и обладание благами, значения их принятия (+) или непринятия (-), что позволило ему охарактеризовать поведение человека в социальной среде.

Таким образом, когда Р. Мертон говорит о культурной компоненте принятия или непринятия (желательности или нежелательности) определенных целей и средств, мы вправе понимать это как выбор благ, имеющих культурную ценность. Когда речь у Р. Мертона идет о социальных структурах, мы имеем основания понимать под ними условия производства продуктов труда, нужных для людей в данных социальных условиях, т. е. в рамках существующего типа производственных отношений.

В то же время если блага культуры, выступающие целью индивида, применяющего для обладания ими определенные средства, не соответствуют продуктам труда, необходимым и желательным в существующих социально-экономических условиях, то существование данного индивида в глазах окружающих его людей (а в конечном счете и в его собственных глазах) выглядит как несостоятельное, никчемное, что фактически выражается в том, что объекты, характеризующиеся как благо, попросту не стоят затрачиваемых на них денег. Впрочем, особого рассмотрения заслуживала бы ситуация, связанная с тем, что исторически длительная ценностная значимость объекта в более ранних социальных формациях может определенным образом сохраняться и в актуальной формации. В этом случае проблема соответствия/несоответствия культуры и социальности требует дополнительного внимания, что выходит за пре-

делы данной статьи, оставаясь целью дальнейшего исследования.

Р. Мертон подчеркивает, что несостоятельность или никчемность индивидов в существующих социально-экономических условиях оборачивается их ненужностью окружающим людям. Очевидно, последнее вместе с оценкой окружающими людьми и собственной оценкой индивида своего существования как несостоятельного провоцирует аномию – неадекватные способы адаптации к социальной среде. К числу таковых относятся аддикции, суициды и криминальное поведение.

Предшествующий анализ можно резюмировать, в частности, в выводе, что ключом к определению ценности благ в социальной среде выступает объем труда индивидов, который они затрачивают на их получение, а также нужность этих продуктов труда другим людям. В то же время нужность продуктов труда определяется нуждами и потребностями людей, проживающих в данном обществе; нуждами и потребностями, каковые напрямую зависят от природных условий обитания общества, которое к этим условиям приспособилось и приспособило их к себе. Например, в настоящее время в «слаборазвитой сельской местности среднесуточное потребление воды на одного человека составляет 20-30 литров в сутки. В то же время среднесуточное потребление воды жителями большого города составляет 150 литров в сутки, которые распределяются на: приготовление пищи (5 л), умывание (5 л), гигиенический душ и мытье (60 л), мытье полов (10 л), стирку (20 л), промывку туалетов (18 л), другие хозяйственные и бытовые нужды (32 л)» [10].

На тех территориях, где чистая вода бьет из подземных источников, она не является культурным благом в связи с тем, что

для ее получения не требуется затрачивать труда. Однако в условиях джунглей или пустыни, где потребное местным жителям количество чистой воды можно получить лишь благодаря социокультурным условиям индустриального общества, вода является важнейшим ресурсом. Здесь чистая вода обретает ценность, становится категорией блага, актуального даже для высокоразвитой формации. Соответственно, индивиды, имеющие в таких природных и социокультурных условиях возможность обладать достаточным для их жизнедеятельности количеством воды, утверждаются в статусе социально состоятельных людей. Можно с полной уверенностью утверждать, что проводником к состоятельности в данном случае может выступать семья.

Если смотреть на проблему с излагаемой позиции, то можно понять особую роль семьи и государства в процессе обретения индивидами социальной состоятельности. В семье естественные производительные силы – силы воспроизводства непосредственной жизни – становятся основанием самой фундаментальной социокультурной формы общности. Ценность индивида, выступающего в качестве родителя, отца или матери, определяется тем, насколько в нем нуждаются его дети, ценность ребенка – в том, насколько в нем нуждаются его родители. Поскольку же ценность родителя для ребенка и ребенка для родителя в пределе достигает абсолютно значения, понятно, что в общем балансе производства социальной состоятельности/несостоятельности индивида семья в общем случае составляет «золотой запас» его социальной состоятельности. Семья, таким образом, является важнейшим фактором противодействия процессу социального отчуждения индивидов.

Можно думать, что жизнедеятельность того или иного общества, каким бы высоко развитым оно не было, в период войны за родину фактически строится во многом по модели жизни семьи. Во время войны люди начинают бесконечно нуждаться друг в друге и на фронте, и в тылу; нуждаться даже в решении самых бытовых вопросов. Это характерно для периодов любых социальных кризисов и потрясений (войны, стихийные бедствия, эпидемии и т. п.). Подобно семье, общество в критический период начинает прибегать к более древним формам организации с точки зрения культурно исторического развития, которые могут обеспечить более успешное выживание людей.

Данные примеры в силу представленности в них крайних форм всего диапазона форм человеческой жизни, с одной стороны – семьи как самой обычной, привычной формы, а с другой стороны – войны как экстремальной формы жизни, особенно наглядно демонстрируют справедливость проводимой нами мысли о том, что социальная состоятельность индивида его возможностью быть причастным к жизни других (в первую очередь окружающих) людей и его необходимости людям.

Мы предполагаем, что семья выступает критерием (одним из критериев) состоятельности индивида. Это позволяет нам предположить, что кроме семьи в качестве критериев состоятельности выступают такие институты, как государство, образование, религия и производство. Это предположение объясняет причину неопределенности понятия аномия в современной науке, так как социальные институты невозможно рассматривать в отрыве от людей. Аномия с этой позиции видится не как категория, присущая только индивиду или только обществу, а как нарушение равновесия между

социальными институтами и людьми, поведение которых они регулируют.

Если исходить из тезиса о том, что онтогенез индивида повторяет филогенез общества, можно предположить, что в процессе социализации в условиях нарушенного равновесия между социальными институтами люди не могут овладеть передовыми способами производства, организации семьи и образования. В результате данные индивиды проявляют девиантное поведение. В то же время если данных индивидов в обществе становится большинство, то его можно признать аномичным. Это позволяет нам выделить в качестве предмета аномии степень причастности индивидов к социальным институтам общества.

Мы предполагаем, что в дальнейшем, основываясь на концепции культурно-исторического развития Выготского, мы сможем выделить этапы развития социальных институтов, а также степень причастности или отчужденности индивидов по отношению к данным социальным институтам. Надеемся, что это позволит обозначить уровни аномии на индивидуальном и социальном уровнях.

Литература

1. Гоббс Т. Левиафан. – М.: Мысль, 2001. – 480 с. – (Из классического наследия).
2. Гуляев Г.Ю. Эволюция теории конкуренции // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Беллинского. – 2012. – № 28. – Р. 317–321.
3. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд: пер. с фр. с сокр. / под ред. В.А. Базарова. – М.: Мысль, 1994. – 399 с.
4. Глюшецкий В.П. Теория стадийного развития общества: история и проблемы. – М.: Восточная литература, 1996. – 406 с.
5. Аяхова Я.Ю. Отчуждение в профессиональной деятельности как философская проблема // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2009. – № 5. – С. 53–56.
6. Маркс К. К критике политической экономии. – М.: Либроком, 2012. – 178 с.
7. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. – М.: Академический проект, 2010. – 784 с.
8. Мертон Р.К. Социальная структура и аномия // Социология преступности: (современные буржуазные теории). – М.: Прогресс, 1966. – С. 299–313.
9. Степанов И.Г., Полова Н.С., Демидова М.Н. Содержание понятий несостоятельности и банкротства // Сибирская финансовая школа. – 2006. – № 4. – С. 67–69.
10. Тылес А.Е. Вода и здоровье человека (профилактика бактериальных и вирусных инфекций, распространяющихся с водой) / под ред. Э.А. Пуриной, А.В. Шапориной, В.В. Ромашева. – М.: ВНИЦ профилактической медицины Минздрава СССР, 1990.
11. Фрамм Э. Здоровое общество / пер. с англ. Т. Банкетова. – М.: АСТ, 2009. – 544 с. – (Философия. Психология).
12. Феофанов К.А. Социальная аномия: обзор подходов в американской социологии // Социологические исследования. – 1992. – № 5. – С. 88–92.

SOCIAL INABILITY OF AN INDIVIDUAL AS A PREREQUISITE OF ANOMIE

O.D. Dolgitsky

Surgut State University,
Surgut, Russian Federation
counteralex@rambler.ru

In the article the author suggests a new approach to the problem of anomie, which manifests itself in the form of deviant behavior. In his opinion inconsistency is a prerequisite for social anomie. The main social viability criterion of an individual is the official recognition of the value and necessity of his/her activities and functions which the person performs within social institutions. The main criterion of the social inability of an individual is non-recognition of activities and functions resulting from the imbalance between the consumed and produced products of his/her activities (labor) with the disbalance in favor of the consumed. It does not matter whether the individual produces more goods required from him/her or less. The very presence of the disbalance in the amount of the products of labor generates anomie. As the result of this imbalance the individual is first gradually alienated from the labor process by the society and then from people as the subjects of social life because of that disproportion in the produced and consumed goods, which doesn't meet socially accepted norms. The alienation of the individual causes inadequate forms of adaptive reactions in the form of deviant behavior, with the aim of social adaptation, which guarantees safety. The author singles out an individual as the subject of anomie, who is a source of deviant behavior and social institutions in which the individual is not able to socialize. Planning his further work the author outlines the plan of his investigations: to define the socio-historical stages of social institutions development, as well as to determine the involvement of individuals in the activities of those institutions.

Keywords: anomie, social inability, inconsistency, value, alienation, products of labor, goods.

DOI: 10.17212/2075-0862-2017-2.2-69-79

References

1. Hobbes T. *Leviathan* [Leviathan or the matter, forme and power of a common wealth ecclesiasticall and civil]. Moscow, Mysl' Publ., 2001. 480 p. (In Russian)
2. Gulyaev G.Yu. Evolyutsiya teorii konkurent-sii [The evolution of the competition theory]. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.G. Belinskogo*, 2012, no. 28, pp. 317–321.
3. Durkheim E. *Samoubiystvo: sotsiologicheskii etyud* [Suicide: a sociological study]. Translated from Franch. St. Petersburg, Mysl' Publ., 1994. 399 p. (In Russian)
4. Ilyushechkin V.P. *Teoriya stadiinogo razvitiya obshchestva: istoriya i problemy* [Theory of phasic development of society: history and problems]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1996. 406 p.
5. Lyakhova Ya.Yu. Otchuzhdenie v professional'noi deyatel'nosti kak filosofskaya problema [Alienation in professional activity as a philosophical problem]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki – Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series "Humanitarian and Social Sciences"*, 2009, no. 5, pp. 53–56.
6. Marks K. *K kritike politicheskoi ekonomii* [Critique of political economy]. Moscow, Librokom Publ., 1996. 178 p. (In Russian)
7. Marx K. *Ekonomicheskoe-filosofskie rukopisi 1844 goda i drugie rannie filosofskie raboty* [Economic and Philosophical Manuscripts of 1844 and other early philosophical works]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2010. 784 p. (In Russian)
8. Merton R.K. *Sotsial'naya struktura i anomie* [Social structure and anomie]. *Sotsiologiya prestup-*

nosti: (sovremennye burzhuaznye teorii) [Sociology of crime (modern bourgeois theory)]. Moscow, Progress Publ., 1966, pp. 299–313. (In Russian)

9. Stepanov I.G., Popova N.S., Demidova M.N. Soderzhanie ponyatii nesostoyatel'nosti i bankrotstva [The content of the concepts of insolvency and bankruptcy]. *Sibirskaya finansovaya shkola – Siberian Financial School*, 2006, no. 4, pp. 67–69.

10. Tyles A.E. *Voda i zdorov'e cheloveka (profilaktika bakterial'nykh i virusnykh infektsii, rasprostranyayushchikhsya s vodoi)* [Water and human health (prevention of bacterial and viral infections that

spread water)]. Moscow, All-Union research center for preventive medicine, Ministry of health of the USSR Publ., 1990. 42 p.

11. Fromm E. *The sane society*. New York, Rinehart, 1955 (Russ. ed Fromm E. *Zdorovoe obshchestvo*. Translated from English by T. Banketova. Moscow, AST Publ., 2009. 544 p.).

12. Feofanov K.A. Sotsial'naya anomiya: obzor podkhodov v amerikanskoj sotsiologii [Social anomie: a review of approaches in American sociology]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*, 1992, no. 5, pp. 88–92.